

КРУЖЕВНИЦА.

— Не купишь ли, барынька, нашихъ балахонскихъ кружевцовъ, прошивочекъ, аль косыночекъ, говорила съ передышкой плотная, зажиточно одѣтая женщина, уже въ лѣтахъ, а сама привѣтливо глядѣла барынѣ въ глаза и протаскивала за собой въ дверь узель и двѣ коробки; — дорого не возьму, дашь нажить двугривенный, такъ и за то пошли Господи спасенье дому твоему!

— Да ты, бабушка, въ такую распутицу обуви протрешь на двугривенный, какіе тутъ барыши?

— И, матушка, мужъ не пожалѣть на меня, наново обуеть!

— А коли не пожалѣть, такъ я бы на твоемъ мѣстѣ взяла двугривенный его, да съ нимъ бы и сидѣла дома, чѣмъ выхаживать его въ такую непогоду!

— Не про себя я хожу, матушка, мы—то, благодаря Бога, такой нужды не зnavали, какую Господь людямъ посыаетъ, мой—то, сударынька, чуть не офицеръ, а что пенсію,

такъ какъ есть за офицера получаетъ, выслужилъ у царя, спаси его Богъ; дѣтокъ у насть и не бывало, съ насть двоихъ и будетъ; а мужъ хорошій у меня стариkъ, и люди уважаютъ его, добрѣ грамотѣ знаетъ и читаетъ божественныя книги, не какъ вотъ у сосѣдки нашей, вотъ что у милости вашей была на той недѣлѣ, какъ сказывала, съ полотномъ–то: она сердечная только что колотится, а не живеть; ты знаешь ли, родная моя, что она вотъ ъздить по городамъ–то, такъ пьяницу своего съ собой возить, напоить, и уложить въ сани, словно тушу какую, и поѣдетъ съ полотномъ; дома–то шестеро малыхъ покинь, погодки все, на половину ерзуны, а хозяина вези съ собой, чтобы не снесъ въ кабакъ изъ дому послѣдней кочерги, да куда не прїдешь, тамъ и напой его скорешенько, только тѣмъ и уимешь, и успокоишь его; вотъ какое житье! А что я–то съ кружевомъ хожу, такъ ты на это не смотри, я по обѣту, для братца родимаго стараюсь, и послѣдніе слова высказала полушепотомъ.

— Что же братецъ у тебя, больной?

— Нѣту, лебедушка, передъ Богомъ братецъ мой, небесное царство ему, передъ Богомъ; а я вотъ для дочки братцевой, да внучатъ его, обѣть приняла, трудиться для нихъ, и что руки да ноги заработають, что Богъ и добрые люди дадуть, то на нихъ отдавать; мужъ—то мой, хозяинъ, и ничего бы, онъ ину пору и самъ даетъ на нихъ, да родня мужнина корить меня за это, есть у него свои, и племянники, и внуки, а все голь, ну и говорить мнѣ: твоя—де родня дядину кровь сосеть, а легко ли мнѣ слышать—то такое слово? Опять же на нищую семью хлѣба не наявишься, надо промышлять самой. Думая такъ, я однако, чтобы хлѣбца подать внучатамъ братнинымъ, стала было маленечко на харчи накидывать: что ни пойду на базарь, по домашности, пяточекъ и отложу на нихъ: одеженку—ли покупаю какую, что выторгую, то опять—таки имъ; ну, и ничего, мой—то не скупъ на меня, не спрашивается, такъ дѣло это у насъ и идетъ. Вотъ я какъ—то вернулась съ поѣздки, давно вѣдь ужъ это было, мужъ и говорить мнѣ: «поди,

тамъ что–то у твоихъ нездоро;» я туда, а ребятишки гдѣ еще завидѣли меня, кричать: «Бабушка, сударушка, золотая, дай хлѣбца.» Я имъ гостинца, жемочковъ принесла, а они свое, хлѣбца дай! Что за напасть стала, пошла съ ними въ лавочку, такъ еле дождались какъ отвѣсили, по куску разнесли, да ну уплетать! Отецъ–то, вишь, столяръ у нихъ, да занемогъ, слегъ, и хлѣба Божьяго не стало! Ну, некуда дѣваться, надо мужа просить, ничье сердце не утерпить, на голодныхъ глядючи. Тихонычъ! «А–ась...» Ну, думаю, коли а–ась, такъ что–то не ладно; погляжу ему въ лицо — а онъ сумрачный насумрачный сидитъ.... бѣда, думаю, какъ тутъ заговорить съ нимъ! Сѣла я было за кружева, прикусивъ языкъ, — коклюшки путаются, въ глазахъ рябитъ. Вѣдь тоже дѣло–то мое не молодое, а тутъ и горе... бросила, дай, говорю, со скуки переберу корабью, одежонку перетрясу, — а это, знать, мужъ любить, скопидомкой за это зоветь — стала стряхивать праздничный сюртукъ его, что–то отзвалось въ

карманъ — я рукой туда — цѣлковый! Стамъ рублямъ бы такъ не обрадовалась, сударынька! Наскоро убравши все, я тутъ же снесла его племянницъ — слава Богу, хоть на хлѣбъ будетъ; а сама иду домой, и раздумываю: ладно ли я сдѣлала? Чай надо было у мужа спроситься, а я украдкой; вотъ я ему эдакъ стороной и говорю: Тихонычъ, у насъ въ Балахнѣ жена отъ мужа тихую милостыню подаетъ, ладно ли это? А онъ: коли не ладно укравъ Часословъ, да: услыши, Господи молитву мою! Ахъ ты Господи, что тутъ дѣлать! Я втѣ поры за кружевомъ сидѣла, на масло плела, по обѣту также, да и подумала: Мать Пресвятая Богородица, ужь полно, въ угоду ли тебѣ лампадка—то, коли семеро безъ хлѣба сидять? Глянула на икону—то, а отъ лика ея на меня словно тишью повѣяло — я все на нее гляжу, и подумала: спрошу я хозяина — а онъ у меня божественныя книги читаетъ, и мнѣ ину пору слушать велить, и хорошо таково тамъ писано... Тихонычъ, что ради Бога лучше, свѣчку ли ему поставить, аль милостыню подать? А

онъ: «Спаситель говорить, милостыни хощу, а не жертвы»; когда свѣчу ставиши, говорить, значить жертвуешь; а милостынью подаешь нужному, значить милость творишь. Словно разсвѣло у меня на душѣ отъ такихъ его рѣчей — вотъ оно что, божественныя—тѣ книги читать; а мы вотъ люди темные, и нехотя согрѣшаемъ — не знаешь, въ чемъ грѣхъ, въ чемъ спасеніе! Кабы не Тихонычъ, я бы такъ все, словно въ потьмахъ, изъ стороны въ сторону шаталась, и на хлѣбъ внучатамъ таскала бы украдкой, а на неугасимую Богородицѣ работала бы день и ночь, и глаза бы себѣ послѣпила! Такъ вотъ, золотая моя сударушка, какъ увидѣла я свѣтъ духовный, такъ съ того часу и наложила я на себя обѣть: мужа не обманывать ни на копѣечку, и покаялась ему во всемъ; добра его на свою нищую родню не переводить, а трудиться весь вѣкъ свой, и коклюшками—то, и переторговывать, трудиться на братнину семью — оно и по душѣ его пойдетъ и накормить голодныхъ. А вотъ какъ я дура—то заживо было похоронила

мать, да она сердечная черезъ годочекъ побывшилась, такъ Тихонычъ и не велѣлъ мнѣ на похороны своей трудовой копѣйки рушить, отдавъ говорить, по душѣ ея, своимъ, тамъ помолятся, а мать схоронить это мое дѣло!

— Все это хорошо, тетка, и оба вы съ мужемъ хорошие люди; да какъ же ты это мать-то было похоронила? Знать обмирала она, что ли, у тебя?

— Нѣту, матушка, лебедушка моя, не обмирала она сердечная, а такъ это я сдуру, потѣшить ее захотѣлось. Она виши ужь добрѣ стара была, и немощна, ужь только ину пору на солнышкѣ погрѣться съ печи слѣзала, вотъ она, царство ей небесное, и говаривала бывало: «Аннушка, а жалко тебѣ будеть меня хоронить?» Кормилица моя, говорю, да кого же и жалѣть, коли не матушку родную, что на бѣль-свѣтъ, на святорусье народила! Что мнѣ, дѣтей не даль Богъ — ты, да хозяинъ, вотъ и вся тутъ! «Ладно-де дитятко, а станешь ли выть по мнѣ, по закону?» Мамынька, да какже не взвыть по тебѣ,

какъ понесуть на Божье поле! «А причитать—молъ, по—законному станешь?» Ну, вотъ этого, кормилица моя, не стану, не умѣю, и въ жизнь ни покомъ не причитывала! «Не ладно будетъ, Аннушка, люди скажутъ: ей матери не жалко; хоть ни покомъ не причитывала, а по родной матери надо.» Мамынька, да какъ же сказать—то имъ это, коли всѣмъ вѣдомо, что вотъ уже 30 годовъ замужемъ живу, а не въ одномъ словѣ тебѣ не перечила. А причитать не умѣю; вѣдь плачь плакать надо складно, а то люди тоже осудятъ, а я не умѣю. «Такъ—то такъ, Аннушка, а все не ладно будетъ, коли по мнѣ причитать не станешь; скажутъ: вотъ, она чуть не офицерша и зазналась, и по матери не плачетъ. Полѣзай—ка, Аннушка, на—печь ко мнѣ, сядь на край, ну вотъ и слушай, я тебя научу, и говори за мною.» Вотъ мамынька—то, сѣвши, и стала покачиваясь плакать: «Солнышко ты мое красное, ты куда закатилося! Лебедушка моя ты бѣлая, а ты что не шалохнешься! А—и словечушка не промолвишь, крыльшкомъ не

приголубиши!...» Мамынька, говорю, да какъ же я стану бѣлой звать тебя, вѣдь ужъ мы съ тобой не кровь съ молокомъ, ты вѣдь черна, да худая... «Ничего, дитятко, это любя такъ говорять въ причитаніяхъ, это съ жали; а ты говори за мнай голосомъ, и кулакомъ—то такъ бороду подопри, вотъ, да головушкой—то и покачивай: Статенушка моя писаная...» Мамынька, да что жь мы съ тобой станемъ людей смѣшить, ужъ какая жь ты статенушка! «Эхъ, Аннушка, а ты знай причитай за мною, такъ годится; да туть не ладно на печи — вотъ погоди—ка я лягу на лавку подъ образа, а ты сядь въ ногахъ, да открой окошечко, да причитай за мною голосомъ». Вотъ она сударушка моя легла, и вытянулась, и оправилась одеждой, и руки скрестила на груди, и стали мы причитать голосомъ, громче да громче; она—то услаждается, а я—то слезами обливаюсь, да ужъ волкомъ вою.... кто—то услышалъ съ улицы, заглянулъ въ окно, сказалъ сосѣдямъ, народъ всполошился — тоже вѣдь, не безъ добрыхъ людей — сбѣжались, а мы съ мамынькой никого не

видимъ, не слышимъ — побѣжали сосѣди за мужемъ, за попомъ — говорять: у Тихоныча въ два голоса воютъ, старуха померла — воеть—то дочь, а другой кто? Ань это сама, прости Господи, покойница и плачъ ведеть, а та за нею! «Дура ты дура, что это дѣлаешь», закричалъ мужъ, тряхнувъ меня за плеча! Я тутъ только и опомнилась... гляжу, мамынька—то сидитъ, а подлъ отецъ духовный, разговариваетъ ее... Вотъ, барынька моя, до чего бабья—то дурь доводить.....

Барынька заслушалась кружевницы, которая плела красно и языкомъ, и вопросомъ о дѣтяхъ племянника ея, развязала ей еще болѣе рѣчь.

— Малы еще, матушка, да пятеро, одолѣли; ину пору пристануть ко мнѣ, какъ пріѣдешь, да навѣдаешься съ чѣмъ Богъ послалъ, изъ своихъ—то заработковъ — баушка, раззолотенькая, разкажи да разкажи сказочку! Вѣдь дѣти до сказокъ, что мухи до браги, падки; вотъ пристануть къ тебѣ, да осядутъ, словно рѣпьи — а я споконъ—вѣку на сказки—тѣ не горазда,

памяти зна'шь нѣть; вотъ и зачну сказывать имъ побывальщину, про честную вдову свѣтль Аннушку — это про свою мать, то—есть — какъ жила она своимъ молодымъ разумомъ, какъ она дѣтушекъ двоихъ жалѣть жалѣла, а баловать не баловала, приграживала; тутъ и начну прибирать, чему нась съ братцемъ—то, царство ему небесное, матушка покойница учила: такъ и такъ моль дурить не ладно, за это яга—баба въ мѣшокъ унесеть, въ ступѣ утолчетъ; и на мать огрызаться не годится, языкъ присохнетъ; и въ чужой огородъ не лазить, тамъ сидить бабища—капустища, у нея голова качанная, руки морковныя, ноги рѣдечныя, сама въ рѣпьяхъ, хмелемъ подпоясана, въ рукахъ хворостина долгая, изъ—за угла стегнетъ — а они слушаютъ, дышать, другъ на—друга глядя, да на—усъ мотаютъ; ну и пойду сказывать, чтобы поразмаять ихъ послѣ страху—то: а дѣтки у нея сестрица Аннушка съ братцемъ Иваномъ жили мирно, любовно, совѣтно, и ссорушки межъ нихъ не бывало; и какъ они матушки своей родименькой не то что

подмогой были, а подростя и укрывомъ стали; какъ братца Иванушку, единственнымъ единаго вдовьяго сыночка, сиротинушку, невчередь въ солдаты сдали, за то, что заступиться было за него некому, а великъ желвакъ, да въ чужомъ боку не болить; какъ дядька братнина до него добръ быль, и домой пускалъ его, и самъ съ нимъ прихаживаль, да и женился на Аннушкѣ; какъ онъ просьбу царю написалъ, что не по правдѣ отдали Аннушкина братца, старше его есть по волости, и тройниковъ, кои побогаче, обошли; какъ братцу царская милость, отставка вышла, черезъ годъ соднемъ, и воротился онъ домой, къ женушкѣ, къ доченькѣ, къ милымъ ея дѣтушкамъ, а нынѣ сиротинушкамъ; не долго пожилъ, сердечный, Богъ смиловался, прибралъ; какъ всѣ они послѣ того жили, поживали, горе мыкали, бѣды изживали; какъ дѣтки баушки слушаются, а она Бога умоляеть, на хлѣбъ дѣткамъ добываетъ....

И разжалобясь сама надъ своею побывальщинкою, кружевница моя прослезилась, и прибавила.

— Вотъ, матушка моя, сударынька, я и хожу по обѣту, за братцевыхъ внучатъ, что Богъ пошлетъ, за то и молюсь, а мужнина го добра не извожу на нихъ, чтобы не слыхать покору отъ роденьки его....

В. ДАЛЬ.